

п5
1320

КНИГА и РЕВОЛЮЦИЯ

п5
1320

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Государственная
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
в Ленинграде.

1921

ГОД II

№ 1 (13)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.		СТР.
СТАТЬИ.			
Энгельс в переписке с Беккером. <i>М. Серебрякова</i>	1	<i>ского, Н. Л., А. О., Ив. Книжника, М. Лемке, И. Гр-а.</i> Литература иностранная. <i>Инн. Оксенова, А. О.</i> . . .	57
Памяти Данте. <i>В. Быстрянского</i>	13	История русской и всеобщей литературы.	
Гончаров в его отношении к ингилизму. <i>В. Евгеньева-Максимова</i>	16	<i>Т. Б., Е. Алапина</i>	66
Александр Блок. <i>Константина Федина</i>	23	Философия и психология. <i>Е. Алапина, В. Славенсон, А. Липовского</i>	69
Петербургский гений. <i>Иннокентия Оксенова</i>	25	Социология. <i>В. Быстрянского</i>	72
Басни Демьяна Бедного. <i>В. С. Габо</i>	27	Экономика. <i>Н. Ц., Кия</i>	72
Письма о современной поэзии. <i>Иннокентия Оксенова</i>	30	Естествознание. <i>Альбидео, Парацельса</i>	74
Поэты пролеткульта. <i>Михаила Павлова</i>	31	Медицина. <i>Парацельса</i>	74
РЕЦЕНЗИИ ПО ОТДЕЛАМ.			
Текущая жизнь. <i>Ив. Книжника</i>	34	Народное просвещение. <i>С. Золотарева, Э.</i>	76
Наша революция. <i>Ив. Книжника, Вестора</i>	36	Искусство. <i>Н. Лернера, Э. Голлербаха</i>	77
Интернационал. <i>В. Беккера</i>		Сельское хозяйство. <i>М. Новорусского</i>	79
История революционного движения в России. <i>Ив. Книжника, Р. Кантора</i>	40	Графические искусства. <i>Шпоники</i>	80
Русская история. <i>А. Введенского, А. Преснякова</i>	41	Речь в книгах. Пушкин о казненных декабристах. Еще о «Скрижали» Пушкина. <i>Н. Лернера.</i> И. С. Тургенев о генерале Черняеве. <i>Р. Кантора</i>	80
Всеобщая история. <i>А. Вульфмуса, Я. Барскова, Н. Цемца, С. В.</i>	47	Хроника. Литературная жизнь. В России. Предстоящие книжные новости Петербурга. Бюро сибирской библиографии. На Западе. Письмо в редакцию. Исправления	82
Изящная литература. Литература русская. <i>Иннокентия Оксенова, Б. Томашев-</i>			

К этому номеру прилагается указатель статей и рецензий, напечатанных в №№ 1—12 Журнала „Книга и Революция“.

КНИГА и РЕВОЛЮЦИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (13)

Год издания второй

1921

Энгельс в переписке с Беккером.

Friedrich Engels, Vergessene Briefe. Briefe Friedrich Engels an Johann Philipp Becker. Ein Beitrag zum hundertjährigen Geburtstag. Eingeleitet von Emil Eichhorn. A. Seehof. U. C. St. 64. Berlin. 1920.

I.

Переписка замечательных людей всегда представляет незаменимый источник. Письма, и в особенности интимные, дружеские письма, открывают сокровенные уголки в душе их авторов. Они нелицеприятно свидетельствуют о том, как мыслил данный человек, чем он жил и интересовался, куда были направлены его мысли, что составляло святое святых его души. Нередко только из писем можно узнать мнение их автора по тому или иному вопросу, иногда два-три мимоходом брошенных замечания проливают целый слои света на проблему, ранее казавшуюся неразрешимой; бывает, наконец, а так, что только переписка твердо устанавливает какой-либо факт, до того неизвестный или толковавшийся превратно.

Особенно важны письма политических или общественных деятелей. Поглощенные горячей борьбой, заваленные текущей работой, ответственные за свои публичные выступления, они зачастую только в письмах могут отводить душу, открыто, «на распашку» высказываясь по тому или иному поводу. Чем напряженнее умственные интересы, чем шире общественные связи, чем энергичнее участие замечательного человека в историческом процессе, тем ценнее его переписка, тем более материалов она может дать для оценки исторических событий. Вот почему письма выдающихся деятелей заслуживают самого пристального внимания со стороны всякого желающего понять дух эпохи, психологию, характер и мотивы ее деятелей.

Все сказанное в полной мере относится к Фридриху Энгельсу. Энциклопедически образованный, разносторонне одаренный, замечательно трудоспособный, глубокий мыслитель и несравненный практик, он свыше 50 лет стоял в центре международных событий. Вместе с Марксом он вскормил, вспоил и вынестовал великую армию революционного пролетариата. Это постепенно превратило его в естественный фокус рабочего движения, а после смерти Маркса — в то светило, к которому неизбежно тяготели социалистические планеты. Исследовать не поверхность светила, а его ядро, посмотреть на Энгельса сквозь призму не журнальных статей или научных работ, а его писем представляет поэтому величайший интерес.

Опубликованные в прошлом году письма к Йоганну-Филиппу Беккеру представляют подходящий случай. Они служат великолепным дополнением к появившейся ранее переписке Энгельса с Марксом, Лассалем, Зорге и др. Опубликовано всего 30 писем. Содержание их очень богато. Там встречаются беглые, но чрезвычайно меткие и вышуклые характеристики Бебеля, В. Либкнехта, Моста, Боркгейма, Гехберга, Шрамма, Бернштейна и др.; рисуется отношение Энгельса к Марксу, а после его смерти — к литературному наследию умершего друга; изображается политическая и партийная жизнь в Германии, Франции и отчасти Англии; нередко упоминается о России с неизменным выражением надежды на близость русской революции; наконец, дается богатейший материал, выясняющий такти-

не от Федерации коммун, о чем мечтали лишь некоторые члены Коммуны — так наз. «меньшинство» — проиницировано идеями Прудона. Относительно деления членов генерального совета на большинство и меньшинство у Фриче царит невероятная пуганица. Идеалом большинства, по его мнению, было «установление республики и децентрализация управления — превращение Франции в федеративную союзную республику коммун» (стр. 17). Но ведь известно, что большинство состояло из якобинцев и бланкистов, которые весьма отрицательно относились к идеям децентрализации и федерализма. Симпатии автора, повидимому, на стороне «меньшинства»: создание слабейшего неограниченными полномочиями Комитета Общественного Спасения для борьбы против внешних и внутренних врагов он называет «затеей, совершенно не вытекавшей ни из условий времени, ни из сущности Коммуны». Как раз наоборот: и условия времени — контр-революция в Версале и в самом Париже — и сущность Коммуны — она «была в самом деле рабочим правительством» (стр. 13) настоятельно требовали диктатуры, а не говорильни, каковой в конечном счете был заседавший в ратуше генеральный совет Коммуны. Автор полагает, что Коммуна должна была в первую очередь положить свою руку на французский банк (стр. 24); но неуместен его упрек, направленный исключительно по адресу большинства: «оно ограничилось тем, что приставило к директору банка своего комиссара, честного старика Белэ» (ib.). «Меньшинство» было в этом вопросе совершенно солидарно с «большинством», а сам Белэ был видным членом «меньшинства».

В брошюре еще много ошибок (и опечаток), и нельзя не пожалеть, что очерк, отпечатанный Госиздатом в 30.000 экземпляров, не написан с большой тщательностью и вдумчивостью.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Г. Плеханов. 14 декабря 1825 года. Гос. Издат. Стр. 31. Петр. 1921. Ц. 30 р.

Брошюра эта представляет собою речь, произнесенную покойным Г. В. Плехановым на русском собрании в Женеве в день исполнившегося семидесятилетия со дня восстания декабристов.

Как и все почти, что говорил и писал Плеханов, эта речь интересна и изобилует многими фактическими данными. Очень удачно иллюстрируются некоторые мысли выдержками из стихов декабриста Рыльева и Пушкина. Читатель, начинающий знакомиться с историей восстания декабристов, найдет в этой речи много ценного.

Но речь эта далеко не дает исчерпывающей картины восстания 14 декабря и, что важнее, не вполне удовлетворительна в смысле исторического обоснования.

Очень удачно справился со своей задачей анонимный автор конспекта двух лекций, изданного Петроградским Политпросветом. На 12 страничках упомянуто все необходимое — с агитационной точки зрения — для понимания происхождения Коммуны, в сущности, ошибок и причин гибели. Основная мысль автора: причина неудачи, точнее — ошибок Парижской Коммуны, лежит в отсталости рабочего класса. В первой лекции — о Парижской Коммуне — больше выдвигается политическая и организационная незрелость рабочего класса, во второй — две Коммуны — отсутствие ясной теоретической мысли, непонимание вождями социального значения Коммуны. Отметим оригинальный взгляд автора на «Завещание Коммуны». С легкой руки Бенуа Малона таковым принято считать «Декларацию Коммуны к французскому народу». Автор усматривает завещание Коммуны в том, отсутствие чего явилось причиной ее слабости и ошибочной тактики: «Классовая организация пролетариата, руководимая ясным пониманием задач пролетарского движения, каковым является научный социализм, контроль власти со стороны пролетарской массы, безжалостная диктатура рабочего класса до уничтожения всех жизненных центров буржуазного общества — завещание Коммуны, воспринятое русской Октябрьской революцией». (Стр. 10). Единственная ошибка встречается на стр. 9: «Вами хотят править каменщики, говорят офицер версальской армии, растравливая в упор каменщика Мильера, члена Коммуны». Эпизод этот рассказан у Лиссагарэ, но каменщика звали Левек: он был членом Центрального Комитета. Депутат Национального Собрания, юрист Мильер, не участвовавший в жизни и борьбе Коммуны, был расстрелян 26 мая на ступенях Пантеона.

Б. Беккер.

Говоря о предшественниках декабристов, Плеханов упоминает Бякинина и Радищева, но ничего не говорит о Ник. Ив. Новикове. Нет также в речи ни слова о различных программах Пестеля и Никиты Муравьева, даже нет упоминания «Русской Правды» Пестеля, не выясняется роль «Общества объединенных славян», нет многих данных о южном обществе, о связи его с польскими революционерами, не выяснена роль императора Николая I как образцового жандармского следователя и многого т. п.

Естественно, что за границей, где речь составлялась, и притом 21 год тому назад, автору были недоступны многие материалы, известные нам теперь.

Но странно то, что Плеханов, отец русского марксизма, не дал надлежащего исторического

объяснения восстания декабристов, признав его всецело следствием *идейного* влияния французской революции. Ни словом он не обмолвился о начале роста фабрик в России, обслуживавшихся, главным образом, вольнонаемными рабочими, а не крепостными, хотя об этом Плеханов не мог не знать.

Не упомянул Плеханов и о боязни декабристов перед «червью», т.-е. перед тем самым народом, который они хотели освободить, чтобы иметь «свободных» рабочих для фабрик.

Да и самое идейное влияние на декабристов недостаточно освещено, раз ничего не сказано об энциклопедистах и о масонстве и о проекте государственного устройства России М. М. Сперанского (1809 г.), которого, как упоминает об этом и Плеханов, декабристы назначили одним из временных правителей России после переворота.

Ив. Книжшник.

Л. Г. Дейч. *Почему я стал революционером.* «Историко-революционная библиотека». Изд. Госиздата. Стр. 47. Петер. 1921 г. Ц. 60 р.

Любопытный автобиографический набросок известного революционера-семидесятника Льва Дейча знаком читателю по журналу «Голос Минувшего», на страницах которого (№№ 5—12 за 1919 г.) он недавно сравнительно появился. В своей рецензии на упомянутую книгу журнала (см. «Книга и Революция» № 5 стр. 39—40) я писал по поводу очерка Дейча — и то же самое приходится повторить и об отдельном его издании, что оно интересно, главным образом, с точки зрения психологической. Это материал для будущего психолога и художника русского революционного движения.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

С. Ф. Платонов. *Борис Годунов.* «Образы прошлого», изд. «Огни». 4°. Стр. 157+II пенумер. Петр. 1921. Ц. 450 р.

Книга академика С. Ф. Платонова представляет интересно задуманную и хорошо выполненную биографию одной из любопытнейших фигур правительственной среды русского средневековья — «раба-царя» Бориса Годунова.

Биографический метод в изложении русской истории, вообще, метод популярный у историков; им в малой степени пользуется почти каждый ученый при написании своего общего курса русской истории. Не последовательно и полно воспользовался этим методом у нас только Н. И. Костомаров, попытавшийся дать свое изложение русской истории в «жизнеописаниях», в которые вошли и цари, и политические деятели, и «личности смутного времени», и представители русской культуры и просвещения. И этот опыт Н. И. Костомарова остался одиноким, у него не нашлось преемников. Впрочем, это отсутствие преемственности в работе, начатой Н. И. Костомаровым, будет понятно, если вспо-

мя, что для истории этого движения он почти не имеет значения, если не считать нескольких незначительных фактов для биографии начала революционной деятельности Аксельрода, Розенштейн-Макаревич и некоторых др. Подобные автобиографические наброски за редкими исключениями грешат большой субъективностью, натянутостью. Очерк Дейча не принадлежит к редким исключениям. Даже и правоверному марксисту не следует еще тоном большого авторитета опровергать «взятков» (правильнее говоря, показания подавляющего числа современников, по адресу которых направлена, очевидно, ирония автора) нашего революционного движения, сообщающих «о громадном *будто бы* (курсив наш. Р. К.) влиянии, оказанном этими двумя писателями (Миртовым-Лавровым, и Михайловским) на революционную молодежь начала 70-х годов», чего, по категорическому заявлению Дейча, «в действительности не было». Немного, уверен, «свидетельских показаний» сумеет привести автор в защиту своего оригинального утверждения, а факт огромного влияния «Исторических писем» Миртова и статей Михайловского на молодежь того времени подтверждался бесчисленное множество раз.

Отдельное издание очерка можно только приветствовать. Госиздату не следовало бы ограничиться случайным изданием тех или других журнальных статей, представляющих большой интерес. Надо извлечь из старых журналов целый ряд подобных жемуров, которые могут быть забыты, как, напр., Дн. Клеменце, Мих. Фроленко, народовольца Овчинникова (печатались в сибирских изданиях) и т. д.

Р. Кантор.

мним, что для удачного выполнения «жизнеописаний» нужны особые черты в даровании ученого. Нужно владеть даром художественной изобразительности, чтобы вычертить характеризующую личность во весь ее рост выпукло и скульптурно, нужно обладать умением применения психологического анализа, тонко разбираться в прихотливых душевных переживаниях и нужно по немногим дошедшим следам уметь определить психический тип описуемой личности, разобраться в сложности ее духовного склада, понять эпоху в ее стертых для нас конкретных проявлениях и поставить характеризующую личность в ее надлежащее место в общественной среде — ей современной, от нас — отошедшей и далекой.

В силу сложности задач, стоящих перед составителем «жизнеописания», понятно, что немногим ученым удастся с ними удачно справиться. Только большие художники слова и сильные мыслители, как Н. М. Карамзин и В. О. Ключевский, могли удовлетворительно заняться портретным изображением исторических деятелей. Но эта портретная живопись не получает самостоятельного значения,